

Маленький мальчик, не старше пяти лет, свернулся калачиком в углу. Обои за ним облупились, и он сидел на грязном ковре. На его коленях лежала толстая книга с мелким шрифтом. По всем правилам, такой маленький мальчик не должен читать подобные книги еще несколько лет. Но он сидел, пробегая глазами по страницам, жадно впитывая каждое слово.

Я бы сказал, что подошел, но это не так. Казалось, у меня нет ног. Я был просто бесплотным присутствием, как призрак. Я подплыл к нему и опустился на колени рядом с мальчиком. Я потянулся к нему, но моя рука прошла сквозь него как сквозь пустоту. Он спокойно перевернул страницу и начал новую главу.

"Урод".

Я поднял голову, наконец-то разглядев остальную часть комнаты. Это была, пожалуй, самая унылая игровая комната, которую я когда-либо видела. На полу лежали обшарпанные и грязные паркетные доски, а в качестве сидений были разбросаны квадраты ковра, как тот, на котором сидел мальчик. На стене висела единственная полка с книгами, да и та не до конца заполнена. Несколько коробок с головоломками были свалены в углу рядом с обломанным чайным сервизом, скакалкой с узлами и плюшевым медведем, у которого не хватало руки, а вместо одного глаза была пуговица.

В противоположном углу стояли два мальчика. На вид им было лет семь или восемь. У одного были песочные волосы, у другого - рыжие. Их лица были прищурены и злы. Их глаза были сужены и устремлены на мальчика в углу.

"Ты урод", - сказал песочноволосый мальчик. Он уставился на читающего мальчика, моего мальчика. "Ты слышишь меня? Урод!"

Он начал приближаться к моему мальчику, пока его друг подтаскивал стул и подпирал его под ручку двери. Мой мальчик дрожал, свернувшись калачиком в углу, его глаза были прикованы к книге, словно если он не поднимет взгляд, то их там и не будет. Он и так был бледным, а теперь и вовсе побелел от страха.

Песочноволосый мальчик потянулся вниз и вырвал книгу из его рук. Как будто я аппарировал, я вдруг обнаружил, что сижу на том месте, где был мой мальчик. Я вдруг осознал, что я и есть тот мальчик; я видел всё его глазами, слышал ненавистные слова его ушами. Мои руки болели от того, что из них грубо вырвали книгу.

"Отдайте ее, пожалуйста", - сказал я против воли. Мальчик говорил, но мне казалось, что моя челюсть двигается, а губы подставляют слова.

"Отдай!" - передразнил мальчик у двери высоким пронзительным голосом. Я вздрогнул, когда он резанул по ушам.

"Стеббинс", - сказал песочноволосый мальчик, бросая книгу своему другу. Стеббинс поймал ее. Мои руки сжались в кулаки на коленях. Я хотел протянуть руку, чтобы поймать книгу, пока Стеббинс ее не получил, но остановил себя.

"Будет еще больше, если я буду сопротивляться", - прошептал голос в моей голове. Я вздрогнул, осознав, что слышу то, о чем думает мой мальчик.

"Маленький уродец", - дразнил песочноволосый мальчик. Он скандировал: "Мама умерла, а папе ты не нужен! Маленький уродец! Монстр! Никому и никогда не будет до тебя дела!"

Мне хотелось закричать, сказать, что это неправда, что люди заботятся обо мне. Гарри заботился, Уизли заботились, Сириус, Снейп, Хагрид, Люпин - все они заботились. Но у меня в животе зануло от чувства признания, которое, как я знал, исходило от моего мальчика. Люди могли заботиться обо мне, но никто не заботился о нем. Это разбивало мне сердце.

Я пыталась вызвать в нем отрицание, крикнуть вслух, что люди заботятся о нем - ведь должны же они заботиться, правда? - но ничего не происходило. Я оказался в ловушке, беспомощно наблюдая за тем, как мой мальчик тонет в собственной ненависти к себе и другим мальчикам.

Песочноволосый мальчик откинул кулак. Он врезался в мою щеку. Моя голова откинулась назад и ударилась о стену. В голове зазвенело, щека запульсировала - ощущения, знакомые мне еще с тех времен, когда Дадли выбивал из меня всю дурь. Моему мальчику они тоже были знакомы. Нога уперлась мне в живот, и я задохнулся, перевернувшись на колени. Я судорожно задышался, задыхаясь от паники.

"С-стоп!" Звук вырвался у меня изо рта прежде, чем я успел его остановить. Мой мальчик не хотел кричать. Он знал, что это только усугубит побои. Ему было страшно и больно, и он просто хотел, чтобы это прекратилось...

"Я не остановлюсь", - усмехнулся песочноволосый мальчик. "Я не остановлюсь, пока ты меня не заставишь. Ты заставишь меня, да? Ты заставишь меня, урод?"

Мой мальчик до небес желал, чтобы он мог, чтобы он мог заставить прекратить избиения. Чтобы мальчики оставили его в покое, чтобы они ушли, чтобы он мог уйти... хоть что-нибудь, что могло бы это прекратить. Отчаяние, вызванное этим, росло в нем до тех пор, пока не стало почти физическим: оно горело в его венах и оседало на языке.

Мальчик отдернул руку, чтобы снова ударить меня. С моих губ сорвался беззвучный крик, и отчаяние вырвалось из меня огромной волной яркого, прекрасного золотого света. Он пронесся по комнате. Она подхватила песочноволосого мальчика и швырнула его через всю комнату в стену. Он сполз вниз и прижался к стене, глядя на меня в шоке и ужасе.

Мой мальчик не мог в это поверить. Я узнал это чувство, ощущение того, что магия

накапливается и уходит из моего тела. Это была случайная магия - такая, какой обладают дети, когда они напуганы, рассержены или расстроены. Но мой мальчик этого не знал. Он не знал, что он волшебник. Он был ошеломлен тем, что сделал. Это не сразу дошло до него, но чем больше он смотрел на мальчика, скорчившегося на полу, и на зияющего Стеббинса, тем больше проникался реальностью.

"Я... могущественный".

Это испуганное выражение на лице песочного мальчика было хорошо знакомо моему мальчику, и он не раз носил его. Но он поклялся, что больше никогда его не наденет, потому что у него есть сила, чтобы заставить других почувствовать это. У него была сила повернуть все вспять, наказать их за то, что они сделали, заставить их почувствовать хотя бы малую часть того, что они заставили почувствовать его.

И мой мальчик упивался этой силой, погружался в нее так же легко, как в теплую ванну в конце долгого холодного зимнего дня. Она подпитывала его, казалось, управляла им, когда он поднялся на ноги и встал так высоко, как только мог. Мой мальчик не был выше остальных, но если учесть, что песочноволосый лежал на земле, он возвышался над ним. Моему мальчику это нравилось.

"Ладно, я тебя остановил", - сказал мой мальчик, и у меня снова отвисла челюсть. "И если ты еще хоть раз поднимешь на меня руку, я сделаю больше, чем просто остановлю тебя".

Эта сила все еще покалывала в кончиках его пальцев, струилась по венам. Он чувствовал ее вкус на языке, подумал мой мальчик. Он сошел со своего ковра и подошел к двери. Он устался на Стеббинса, на стул, закрывающий дверь. Сила снова нахлынула на него, когда он устался на стул.

Шевелись!" - злобно подумал он, пытаясь вызвать такой же всплеск силы, как и раньше. Она снова пришла, но не так, как он ожидал. Не было вспышки золотого света, отбросившей кресло в сторону. Нет, вместо этого кресло просто исчезло, пропало без следа.

Стеббинс вскрикнул от страха и, пошатываясь, пошел прочь. Моему мальчику это тоже нравилось. Ему нравилось не быть тем, кто боится, тем, кто бежит. Медленно наклонившись, он поднял упавшую книгу. Он открыл дверь, бросил последний взгляд на двух своих бывших мучителей и улыбнулся им. Затем он исчез.

Я проснулся от толчка и вдоха. Надо мной колыхались фонари женского общежития. Я расслабилась, выдохнула и закрыла глаза.

Кошмары были мне не чужды. Они снились мне годами, но никогда не были такими. Обычно это были обычные кошмары - темный коридор, полный дверей, за которыми шевелились и бормотали зловещие предметы, беспомощный обморок и невозможность дышать посреди Большого зала, и никто ничего не делает, появление на матче по квиддичу голым...

Но все это было каким-то далеким и нечетким. Как только я проснулся, детали начали ускользать. Этот сон был более ярким, чем все, что я когда-либо видел, и впечатался в мое сознание. Я чувствовал, как болит голова от удара о стену, ощущал на языке привкус магии и, самое главное, чувствовал, как мой мальчик радуется тому, что наконец-то смог переломить ситуацию и оказаться сверху.

Это чувство было мне знакомо. Точно такие же чувства я испытала, когда узнала, что я ведьма, и поняла, что это значит, что я могу сделать с Дурслями. Мне была не чужда месть и желание отомстить. Я прекрасно понимал, почему мой мальчик чувствует себя так, как он чувствует, но все равно было жутко.

Мальчик был так молод, чтобы испытывать подобные чувства, и выглядел так невинно: великолепные серо-голубые глаза, гладкая фарфоровая кожа и аккуратно расчесанные черные волосы. Он был похож на того мальчика, который мог бы осветить комнату своей улыбкой, но я догадывался, что такое выражение на его лице встречается нечасто.

Холод свернулся у меня в животе и заставил меня задрожать. Отчаянно пытаюсь согреться, я повернулась на бок и уперлась руками в живот, подтянув колени к груди. Зимой я обычно спала так в шкафу. Я уже много лет не сворачивалась в клубок, но этот жест успокаивал и немного разбавлял дрожь, поселившуюся в моих костях. Глаза вдруг стали невыносимо тяжелыми, и я снова погрузилась в сон.

Лорена,

Поздравляю с риджбеком. Это была удача. А мне сказали, что ты сварила зелье, которое сделало тебя неуязвимой для драконьего огня? Я даже не знала, что такое существует. Твоя мать наверняка нашла бы его и использовала. Она отлично разбиралась в зельях, твоя мама, ты знала?

Гарри писал мне несколько раз. Он сказал, что несколько ночей назад произошло нечто странное. Он отправился принимать ванну с яйцом - без понятия - и оказался заперт на

лестнице. Муди и Снейп почти нашли его и поссорились. Очевидно, мистер Крауч проник в кабинет Снейпа - Гарри видел это на Карте Мародеров. Кто-то воровал из магазинов Снейпа.

Глаз Муди может видеть сквозь мантии-невидимки. Он увидел Гарри, спрятал карту и яйцо подальше от Снейпа, слава Мерлину, и вывел Гарри из шага. Карта произвела на Муди сильное впечатление - я написал об этом Ремусу, мы оба гордимся тем, что такой аврор, как Муди, восхищается нашей работой, - и когда он попросил, Гарри разрешил ему взять ее.

Очевидно, Муди сам обыскивал кабинет Снейпа. Гарри уверен, что Снейп поместил ваши имена в Огненный кубок. Я бы хотел согласиться, но я не идиот. Я знаю, что Снейп достаточно умен, чтобы понять, что, написав Поттера, он бросит вас обоих на растерзание банши, а вы ему слишком нравитесь, чтобы рисковать.

Как продвигаются дела с изучением Патронуса? Анимаги? Дай мне знать. Может быть, ты сможешь приехать ко мне этим летом, и мы поработаем над твоими превращениями.

С большой любовью,

Снаффлз

Я отбросил письмо в сторону, вне себя от ярости. Гарри думал, что Снейп поместил наши имена в Огненный кубок? Как будто Снейп был тем, кто пытался украсть Колдовской камень, а Малфой - наследником Слизерина? Пройдет не один день в аду, прежде чем Гарри Поттеру удастся выяснить, кто именно что-то замышляет.

И он доверял Муди? После того, как Муди привлек внимание к моему шраму? Он прекрасно знал, что я ненавижу Муди, и все же старому психу стоило только попросить одолжить Карту Мародеров - мою Карту Мародеров - и Гарри без вопросов отдал ее. Я прекрасно помнил, как он был в ярости, когда Снейп использовал Маскировку-невидимку, чтобы попасть в Визжащую хижину. Но, конечно, он был Гарри Поттером, он мог делать все, что хотел, он всегда был прав.

"Кто-то умрет", - объявил Забини. "Поттер, ты знаешь, как страшно ты выглядишь?"

"Хорошо", - фыркнул я и сунул письмо в карман. Тыльные стороны моих пальцев скреблись с палочкой. Было невероятно соблазнительно просто прибить Гарри сглазом из другого конца коридора - но нет, это могло быть анонимно. Я хотела, чтобы все знали, кто именно на него

злится.

Я резко встала из-за стола Слизерина и направилась к столу Гриффиндора, нахмурившись. Когда я проходила мимо других, на меня несколько раз смотрели с любопытством или недоверием, но я их игнорировала. Когда я подошел ближе, Рон поднял голову и увидел мое лицо. Он побледнел и что-то прошептал Гарри через стол.

Гарри обернулся, на его лице появилась улыбка. "Эй, Ре-гак!"

Я схватил Гарри за галстук и стащил его со скамейки. Он поспешил за мной, когда я вышел из Большого зала, бессовестно таща за собой своего шипящего брата. Я слышал, как Слизеринцы воют от смеха, и ухмылялся - я был рад, что могу их развлечь.

Мы вышли из Большого зала, и я потащил Гарри по коридору в пустой класс, закинул его внутрь и закрыл за нами дверь. Я запер ее и встал перед дверью, вытащив палочку и скрестив руки. Зеленые искры предупреждающе заплескали на кончике моей палочки, когда я прикоснулась им к бицепсу.

"Лорена, какого черта?" потребовал Гарри, выпрямляясь и встречаясь со мной взглядом, на его лице читались гнев и смущение. Он потянулся вверх, чтобы поправить волосы и поправить галстук. "Это больно!"

"Писала Сириусу в последнее время?" ледяным тоном спросила я. "Потому что сегодня утром я получил от него письмо. И он рассказал мне самую забавную историю... Оказывается, ты отдала Карту Мародеров Муди, когда он спас твою глупую персону от застревания на лестнице той ночью".

"Он попросил одолжить ее, а что мне оставалось делать?" - язвительно спросил Гарри. язвительно спросил Гарри. "Он только что спас меня от Снейпа и Филча..."

"О, перестань ныть и просто прими наказание как мужчина". Я закатил глаза. "А тебе не приходило в голову, что карта моя..."

"Наша!" горячо запротестовал Гарри. Я поднял бровь.

"Правда? А Плащ-невидимка тоже наш?" потребовал я. "Я ненавижу Муди, Гарри, или ты забыл

наш первый урок?"

"Это было в сентябре!" воскликнул Гарри, глядя на меня в недоумении. "Это было так давно!"

воскликнул я. "Где же брат-защитник, который хотел попытаться уволить его за это? Что, его можно уволить, но то, что я все еще немного раздражаюсь на него, это уже слишком? Вот где ты проводишь черту?"

"Слушай, мне жаль, что я отдал Муди карту", - успокаивающе сказал Гарри. Я покачал головой.

"Нет, Гарри", - твердо сказал я. "Помнишь, как ты разозлился, когда Снейп использовал Маскировку-невидимку?" Его глаза вспыхнули при воспоминании об этом. "Именно так. Именно так я себя и чувствую. Разница в том, что я не просто бросил плащ Снейпу и сказал ему развлекаться, даже не спросив тебя, можно ли это делать. Это сделала ты".

"Мне жаль, хорошо?" настаивал Гарри. "Но ты не должен был вот так вытаскивать меня из Большого зала, это было неловко и..."

"О?" Я подняла брови и невинно посмотрела на него, пока он объяснял, почему я поступила именно так. "Было ли это неловко? Разве я не думал о твоих чувствах?"

"Нет, не считалась", - огрызнулся Гарри.

"Странно, я готов поклясться, что именно в этом и заключалась моя проблема с тобой!" крикнула я. Гарри нахмурился, поняв, что я делаю.

<http://tl.rulate.ru/book/48340/3535079>